

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 135–140. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 135–140. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19/20"

EDN DOUUPN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140>

ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ

Азаров Юрий Алексеевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Аннотация. Статья посвящена творческой деятельности Юлиа Айхенвальда, которую связывают с Серебряным веком в истории русской культуры. В эмиграции (с 1922 г.) его называли одним из самых ярких критиков эпохи, который превратил чтение литературы в искусство индивидуального восприятия, провозгласил приоритет сотворческого начала и приблизил литературную критику к читателю. Он считал, что произведение искусства не следует оценивать с точки зрения общественной полезности, это всегда прямой диалог писателя и читателя, узнавать произведение означает создавать, читать значит писать, каждое произведение – автобиография его создателя. По его мнению, литература не отражает жизнь, а творит ее, ценность произведения состоит в его единичности и неповторимости, а критика является его непосредственным продолжением. Однако с течением времени под влиянием исторических обстоятельств его взгляды изменились: он все более стремится понять художника в контексте эпохи, поскольку для него существование подобной связи уже доказанный историей факт. Несомненно, Айхенвальд внес значительный вклад в развитие литературной критики зарубежья, став одной из ее наиболее ярких фигур.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, литературная критика, теория литературы, Ю.И. Айхенвальд, импрессионизм, историзм.

Для цитирования: Азаров Ю.А. Юлий Айхенвальд: трансформация взглядов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 135–140. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140>

Research Article

YULY AYKHENVALD: TRANSFORMATION OF VIEWS

Yuri A. Azarov, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, gmammoth@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2897-5526>

Abstract. The present article is devoted to creative activity of Yuly Aykhenvald who is associated with Fin de siècle in history of Russian culture. Even in emigration (since 1922) he had been called one of the brightest critics of the epoch who turned the reading of literature into an art of individual perception, proclaimed the priority of co-creation and directly brought literary criticism closer to the reader. He considered a work of art should not be evaluated in terms of social utility; it is always a direct dialogue between a writer and a reader; to investigate a literary work means to create with reading meaning to write; each work is an autobiography of its creator. In his opinion, literature creates life rather than reflecting the latter; the value of a literary work lies in its singularity and uniqueness, with criticism being its direct continuation. However, over time under the influence of historical circumstances, his views changed - he himself increasingly sought to understand the artist in the context of its epoch, since for Yuly Aykhenvald, the existence of such a connection has already been proven by history. It is no doubt that Yuly Aykhenvald made a significant contribution to the development of Russian émigré literary criticism and became one of its most significant figures.

Keywords: Russian émigré literature, literary criticism, literary theory, Yuly Aykhenvald, impressionism, historicism.

For citation: Azarov Y.A. Yuly Aykhenvald: transformation of views. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 2, pp. 135–140 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140>

«Искусство недоказуемо; оно лежит по ту сторону всякой аргументации» [Айхенвальд 2017: 28], что делает литературу «беззаконной кометой в кругу расчисленного светил» (А.С. Пушкин. «Портрет») [Айхенвальд 2017: 3], – заявил в 1911 г. Ю.И. Айхенвальд, творческую деятельность которого связывают с Серебряным веком в истории русской культуры. И в эмиграции (с 1922 г.) его называли одним из самых ярких критиков эпохи, который превратил чтение литературы в искусство индивидуального восприятия, провозгласил приоритет сотворческого начала и приблизил критику к читателю.

Наиболее объективно и ярко описал Айхенвальд Б.К. Зайцев – как человека страстного, вносившего в изучение литературы творческое начало: «Он писал о писателе так, как видел его в своем уединенном сердце, только так, и в оценках бывал столь же горяч, столь же “ненаучен”, как и сама жизнь. Все его писания шли из крови, пульсаций, из текущей стихии. Можно было соглашаться с ним или не соглашаться, одобрять или не одобрять его манеру, но это был художник литературной критики и, за последние десятилетия, первый русский критик» [Зайцев: 69, 70].

Известность пришла к Айхенвальду после выхода сборников «Силуэты русских писателей» (1906–1910), в которых была предпринята попытка практического применения принципов «имманентной», по определению автора, критики, полностью свободной от каких-либо признаков «научности», внелитературных (внешних) влияний и биографического подхода. Однако впоследствии, в исторических условиях революции и Гражданской войны, Айхенвальд отказался от своего принципиального антиисторизма и признал важность воздействия на автора жизненных обстоятельств и «внешних» факторов.

Критический метод Айхенвальда исследователи оценивают как «импрессионистический», «субъективный», «интуитивистский», однако сам критик с присущим ему философским мировосприятием наиболее удачным считал определение «имманентный»: «Гораздо естественнее – метод имманентный, т. е. когда исследователь художественному творению органически сопричастается и всегда держится внутри, а не вне его. Метод имманентной критики (насколько вообще можно говорить о методе там, где, как мы видели, наукообразности вовсе нет) – этот метод берет у писателя то, что писатель дает, и судит его, как хотел Пушкин, по его собственным законам, остается в его собственной державе» [Айхенвальд, 2017: 19].

Концепция интуитивного восприятия художественного творчества представляла для своего времени явление новаторское. Впоследствии А.А. Гольденвейзер, сотрудник отдела критики и библиографии эмигрантской газеты «Руль» (Берлин), охарактеризовал его следующим образом: «Айхенвальд индивидуализирует

каждого писателя, рассматривает его отдельно от его сверстников, учителей и учеников. Каждый писатель, каждое “собрание сочинений” для него – микрокосм, в себе самом законченный и из самого себя объяснимый. Чтобы понять характеризуемого автора, критик бережно и любовно входит в его душу, проникается его мировоззрением, вчувствуется в его ощущения» [Гольденвейзер].

Очевидно, что для критика, выступающего в роли воинствующего антипозитивиста, теоретической основой служит иррационализм Шопенгауэра, отрицающего приоритет рационального начала в постижении действительности. Вместе с тем Айхенвальд полагает, что отсутствует четкий критерий, определяющий художественный уровень произведения и делающий его достойным научного изучения: «Талантливые, запечатленные гением художественности, не правда ли? Но где же, в какой палате мер и весов хранится то абсолютное мерило, которым определяется самая наличность гения и его степень?» [Айхенвальд 2017: 5].

Айхенвальд формулирует критерий, который признает продуктивным для анализа, хотя и считает его «весьма условным». Речь идет о психологии, которая в начале XX в. переживала период активного развития: «Мы становимся лицом к лицу с психологией. Не в ней ли ключ, которым откроется тайна искусства, загадочная сокровищница слова? <...> Однако сама психология, не только в теперешнем, признанно-элементарном состоянии, но и в будущих ее возможностях, позволяет ли рассчитывать на установление каких-либо точных, содержательных, в самую глубину идущих закономерностей?» [Айхенвальд 2017: 9]. Никакой психолог не сможет до конца понять душу художника: «История литературы услышит от психологии вещи догадки, приобщится к ее воззрениям и метафизической стихии, но никогда не получит от нее той доказательности, которая необходима для науки, потому что этой доказательностью не обладает и не будет обладать сама психология» [Айхенвальд 2017: 10].

Айхенвальд убежден, что литература как вид искусства обладает особым статусом и, вопреки утверждениям материалистов, не является отражением действительности. Писателя, «стоящего вне пространства и времени», как и душу человека, постигнуть нельзя. Поэтому литература «...творит жизнь, а не отражает ее. Литература упреждает действительность; слово раньше дела. Воплощение догадок и прозрений, вдохновенная Пифия, прорицательница далей, литература не ведóмая, а вождь» [Айхенвальд 2017: 11].

Подчеркнутое внимание к биографическому подходу – будь это его отрицание либо частичное признание – было характерно для заявлений Айхенвальда. Несостоятельность биографического изучения оценивается в «Теоретических предпосылках» впол-

не однозначно: «Внутренняя разобщенность слова утилитарного от слова художественного приводит и к тому, что, вопреки очень распространенному взгляду, биография писателя не объясняет его произведений и до их глубины не доходит. Внешняя жизнь сама по себе еще ничего не значит. А жизнь внутренняя, то, что только и важно, сама скажется в творении писателя, хочет он этого или нет. Независимо от своей воли он о себе рассказывает, и каждое создание искусства – не что иное, как автобиография его творца» [Айхенвальд 2017: 16, 17].

Вместе с тем Айхенвальд ставит задачу обозначить границу между сознательным и бессознательным в творческом процессе. Как и всегда, он бросает вызов позитивистам с их приоритетом рационального мышления. Именно поэтому литературный критик прежде всего должен быть хорошим читателем – понятия «критик» и «читатель», в сущности, в этом смысле синонимичны, но критик – главный и лучший из читателей. Большое значение Айхенвальд придает процессу восприятия произведения, «медленному чтению», к чему далеко не все оказываются способными, но критик должен научить читать других. Восприятие подобно творческому процессу, читатель при этом и сам становится творцом: «Читать – это значит писать. <...> К счастью, потенциально мы все – поэты» [Айхенвальд 2017: 21]. Безусловно, с Айхенвальдом нельзя не согласиться, когда он формулирует тезис о постоянном обновлении смысла произведения в зависимости от восприятия его тем или иным субъектом, благодаря чему произведение нельзя прочитать до конца, так как не имеет конца и сам процесс сотворчества.

Айхенвальд подробно рассматривает проблему взаимозависимости писателя и читателя, которая определяется существующими между ними диалогическими отношениями. Литературное произведение всегда диалог – диалог автора и читателя, следовательно, это вполне соотносимые понятия, поскольку один без другого ни существовать, ни действовать не может. Автор, дав замыслу конкретное воплощение, уже сыграл свою роль; произведение же, «объект вечного созерцания», живет обновляющейся жизнью и «развивается, меняется, растет», преломляясь через новые и новые восприятия, рождает новые впечатления: «Можно написать книгу, но нельзя ее прочесть: она нескончаема и вечному подлежит восприятию» [Айхенвальд 2017: 24].

Тезис Айхенвальда о незавершенности творческого процесса имеет непосредственное отношение не только к писателю, но и к критику, который всегда видит лучше писателя. Вывод звучит парадоксально: «Безграничная природа творчества и связанный с нею момент иррациональности и бессознательности обуславливают собою и то, что, как мы уже отметили,

критик объясняет писателя не только себе и другим, но и ему самому. В этом отношении критик гораздо компетентнее его» [Айхенвальд 2017: 25]. Поэтому писатель не в состоянии до конца понять собственное творчество и, как правило, не является лучшим читателем и толкователем своих произведений. В то же время осмысление произведения тем или иным критиком лишь одно из возможных, оно не может претендовать на исключительность и не опровергает мнений других критиков.

С началом революционных событий в России Айхенвальд постепенно отходит от принципиальной аполитичности и обращается к публицистике – историческая действительность теперь постоянно вмешивается в то, над чем он работает и что пишет. Как и большинство либерально настроенных интеллигентов, он восторженно приветствует Февральскую революцию, падение империи и приход к власти Временного правительства, будучи уверенным, что новый социальный строй, уничтожив бедность и неравенство, приведет Россию к процветанию. Ему хочется верить, что народ добился чаемых свобод, он отстаивает идеалы социализма и не сомневается, что в результате обобществления собственности, уничтожения неравенства и установления восьмичасового рабочего дня «воцарится настоящая культура». Айхенвальд с наивным оптимизмом возлагает надежды на близкое торжество прогрессивного строя: «Не социализм как узкая теория, а социализм углубленный и одухотворенный, понятый как освобождение от ига имущества, как метафизика, идущая против физики, т. е. как крестовый поход против инстинкта собственности, – вот что вдохновляет и обнадеживает в общественной борьбе. И если такой социализм победит, то человека ожидает духовное “завтра”, а только ради него и стоит жить, ради этой светлой манящей даты мирового календаря. Да придет же, да не замедлит своим приходом благословенное “завтра”!» [Айхенвальд 1917а: 44–45].

Однако со временем оптимизм сменяется тревогой за судьбу демократии – его все больше волнует ухудшающееся положение в стране и судьба гражданских свобод. В 1917 г. под грифом «Партия народной свободы» выходит брошюра «Свобода слова» о вопиющих случаях попрания неотъемлемых прав граждан новой России. Речь идет о многочисленных случаях закрытия кадетских газет «на местах» – по постановлениям трудовых коллективов и большевистских советов: «Надо спасать слово. Надо охранять культуру. Надо не угашать духа. Для того чтобы не все и не кошунственно произнесено было нашей революцией божественное имя свободы...» [Айхенвальд 1917б: 16].

Падение Временного правительства и последующие события показали, насколько Айхенвальд, эстет и социалист-романтик, был далек от суровой дей-

ствительности. Противник всякого насилия, всегда заявлявший о самоценности и неповторимости личности, утверждавший право на самостоятельное мнение и низвергавший «кумиров», сотрудничать с новой властью не собиравшийся и молчать не хотел. Его жизненные и творческие установки все более менялись, в первую очередь это касалось принципиального положения о независимости искусства от объективной действительности. Он продолжает печататься в частных изданиях, публикует статьи, в которых резко высказываться о большевиках и революции – до первой половины 1922 г. в условиях отсутствия централизованной цензуры это еще было возможно. Большинство написанных в 1917–1918 гг. статей, опубликованных в газетах кадетского направления «Раннее утро», «Речь», «Свобода», вошло в сборник «Наша революция. Ее вожди и ведомые» (1918). С нескрываемым пессимизмом и мучительной горечью человека, «волшебный замок» которого превратился в руины, он писал: «Едва ли за тысячелетнюю историю свою Россия встречала когда-нибудь Новый год так, как сегодня, 31 декабря 1917 года, – подавленная, с поникшей и повинной головой, без праздничных надежд в душе, без внутреннего Нового года, без веры не только в новое, но хотя бы в старое счастье» [Айхенвальд 1918: 60].

В 1921 г. в издаваемом Андреем Белым журнале «Записки мечтателей» появилась статья, в которой Айхенвальд сравнил Н. Гумилева с Андре Шенье, ставшему жертвой французской революции. Вызывающая свобода суждений в других публикациях того периода («Лев Толстой», 1920, «Похвала праздности», 1922, «Поэты и поэтессы», 1922) не могла оставаться незамеченной. Сборник «Поэты и поэтессы» [Айхенвальд 1922] включал очерки, посвященные А. Блоку, Гумилеву, А. Ахматовой, М. Шагинян. Именно этот сборник явился непосредственным поводом для выступления в «Правде» Л.Д. Троцкого. В газете (редактором «Правды» тогда был Н.И. Бухарин) за подписью «О» появилась статья с характерным названием «Диктатура, где твой хлыст?» Негодование Троцкого, председателя Реввоенсовета и члена Политбюро, вызвала героизация расстрелянного в прошлом году Гумилева, которого Айхенвальд назвал «художником-дворянином», «последним из конквистадоров», «поэтом-рагником», «с душой викинга», который предвидел свою трагическую гибель. Опытный полемист Троцкий по этому поводу писал: «...Айхенвальд с безраздельным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб». Троцкий удивлен, что подобная книга могла увидеть свет в Советской России, «на территории пролетарской диктатуры» [Троцкий 1922].

Статья Троцкого послужила сигналом не только к «наказанию» отдельно взятого литератора, но и к на-

чалу широкой кампании по подготовке к высылке враждебной советской власти интеллигенции: «У диктатуры, – продолжает Троцкий, – не нашлось в свое время для подколенного эстета – он не один – свободного удара хотя бы древком копья. Но у нее, у диктатуры, есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора заставить айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежат по праву – со всей своей эстетикой и со своей религией» [Троцкий].

Дальнейшие события в жизни Айхенвальда можно восстановить по рассекреченным документам ВЧК–ГПУ [Высылка вместо расстрела]. Оказавшись во внутренней тюрьме на Лубянке, 18 июля 1922 г. он обратился в Коллегию ГПУ с письменной просьбой освободить его на поруки. Однако вечером того же дня Айхенвальду объявили решение о высылке в «административном порядке» за границу.

Берлин начала 1920-х гг. называли «литературной столицей» русского зарубежья. Здесь обосновались многие писатели, работали научные организации, процветало издательское дело, о чем свидетельствуют приводимые исследователями данные [Урбан: 18–19]. Оказавшись в культурной атмосфере русского Берлина, Айхенвальд с головой погружается в привычную для него общественную, литературную и преподавательскую деятельность: участвует в работе эмигрантских организаций и обществ, сотрудничает в критико-библиографическом журнале «Новая русская книга». Однако главным занятием Айхенвальда в Берлине всегда оставалась работа в литературном отделе ежедневной газеты «Руль» (1920–1931), которая в те годы считалась одной из наиболее влиятельных в эмиграции. Сотрудничеством в «Руле» не исчерпывалось участие Айхенвальда в эмигрантской печати. Так, с 1925 по 1927 г. в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк), в которой он сотрудничал в качестве литературного обозревателя, появились статьи о Пушкине, Достоевском, Л. Толстом, критические этюды о современных писателях, заметки о праздновании 140-летия Жуковского, репортаж о деятельности русского землячества в Берлине.

Имя Пушкина имело для эмиграции символическое значение – в нем, как и в русской культуре, она видела важное объединяющее начало. Как символ национального возрождения воспринимался и Петр Великий. Так, в статье «Петр и Пушкин», характерной для позднего творчества Айхенвальда с его тяготением к историческим обобщениям, говорилось, что Петр «...на троне вечный был работник, как на троне поэзии работником был сам Пушкин... Вероятно, творец “Полтавы” в творце Петербурга видел родственную себе художественную силу» [Айхенвальд 1925]. Сравнивая две яркие личности, критик обратил внимание на то, что Пушкин рисует Петра не только в челове-

ском облике. По его мнению, Пушкин уподобляет Петра кентавру, чем особенно подчеркивает грубую чувственность, на борьбу с которой встали природа (Нева) и «маленький» человек Евгений. Он обращает внимание на то, что «... мимолетное приключение истории было бы забыто, если бы не участливый рассказ поэта и если бы через сто лет после наводнения 1824 года не произошли бы такие события, в силу которых исчезло имя Петрограда и посрамлено было пророческое пожелание Пушкина: “Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия...”» [Айхенвальд 1925]. Совпадение цифр для Айхенвальда имеет символическое значение: в 1924 г., то есть ровно через сто лет, Петроград был переименован в Ленинград.

Тенденция к проведению политических параллелей еще более усиливается после 1925 г. Трагические и обличительные ноты отчетливо звучат в оценке Достоевского и революции: «Если бы Достоевский мог увидеть ныне свою родину, он не только испытал бы безмерный ужас перед разыгрывающимся на ее окровавленной сцене, по его собственному выражению, “дьяволовым водевилем”, но и должен был бы сокрушенно поникнуть своей повинной головой перед Западом» [Айхенвальд, 1927а].

Особую роль Айхенвальд сыграл в писательской судьбе Набокова-Сирина, с которым его связывала близкая дружба. Для молодого писателя были очень важны рецензии, которые Айхенвальд печатал в «Руле», – именно он первым высоко оценил в «Литературных заметках» «Машеньку», вобравшую в себя сцены эмигрантской жизни: «Только что вышедший роман В. Сирина “Машенька” – яркое явление нашей литературы. <...> И вообще от всего реального идут веяния мистические. В этом отношении так характерно изображение огромного города. У Сирина – чувство Берлина» [Айхенвальд, 1926].

Айхенвальд внимательно следил за развитием советской литературы. Так, после выхода в Париже «Белой гвардии» (1927) М.А. Булгакова он писал: «Это – произведение ярко талантливое, оставляющее после себя глубокий след впечатления. Роман сделан очень искусно, легка его постройка, и как прихотливо ни разбросаны его части, прерываясь одна другой, все-таки они собираются сами собою в одно внутреннее целое, и зигзаги писательского каприза не раздражают читателя, а удовлетворяют» [Айхенвальд, 1927б]. Для автора вполне очевидно, что в теме Гражданской войны дистанцироваться от политики невозможно. Айхенвальд отмечает отражение символов разоренного дома и русского лихолетья в следующих деталях: «Город» (с большой буквы) в «белой одежде» снега – «давно уже начало мести с севера»; «сады безмолвные»; символизирующие жилище «абажур и стенные часы»; «трехсаженный крест в руке у чуждого Владимира». О многозначной символике

Булгакова впоследствии писали многие авторы, однако Айхенвальд в этом был, без сомнения, первым. Называя книгу Булгакова «эпопеей», Айхенвальд видит в ней яркое отражение эпохи, исторических событий и материал, интересный не только обычному читателю, но и историку, который изучает события 1918 г., – «гетманщину и ее падение» [Айхенвальд, 1927б].

Мемуаристы неизменно выделяли одни и те же черты Айхенвальда – плохое зрение и постоянную погруженность в собственные мысли, что и сыграло свою роковую роль 17 декабря 1928 г. Ночью на плохо освещенном берлинском перекрестке произошел трагический случай. Сойдя на трамвайной остановке, полуслепой человек был сбит трамваем, который шел в противоположном направлении. «Машина убила в голову, убила стража на верном его посту», – скажет об этом И.С. Шмелев [Шмелев]. Получив тяжелейшую травму и не придя в сознание, Айхенвальд под утро скончался. В ту ночь он возвращался от Набоковых, устроивших на своей квартире вечеринку, во время которой был как никогда оживлен и весел... [Бойд Брайан: 132]. «Для меня, для многих, близко знавших его, – писал Набоков в “Руле”, – он сегодня так же жив, как и в ту субботу, за полчаса до несчастья, когда запирая парадную дверь, я видел сквозь стекло его удаляющуюся сутуловатую спину. <...> Он ушел к себе домой поздно ночью, шел занятый своими мыслями, течение и суть которых никто, никто не может узнать. И с площадки трамвая только вагоновожатый да случайный немецкий студент одни видели, как сутулый человек доверчиво шагнул на рельсы» [Набоков-Сирин].

В 1929 г. Набоков сочинил сентиментальное стихотворение «На смерть Ю.И. Айхенвальда», посвященное комнате, «где жил писатель нищий» и звучал «голос муз»:

Перешел ты в новое жилище,
И другому отдадут на днях
Комнату, где жил писатель нищий,
Иностранец с книгою в руках

[Morris: 144].

В «Других берегах» Набоков напишет об Айхенвальде: «Душевную приязнь, чувство душевного удобства возбуждали во мне очень немногие из моих собратьев. <...> Я хорошо знал Айхенвальда, человека мягкой души и твердых правил, которого я уважал, как критика, терзавшего Брюсовых и Горьких в прошлом» [Набоков: 64].

Несомненно, Айхенвальд внес значительный вклад в развитие литературной критики зарубежья, став одной из ее наиболее ярких фигур. Его место в литературном отделе «Руля» занял русский пражанин А.Л. Бем, который в 1931 г. писал об эмигрантской критике: «В сущности, после смерти Ю. Айхенвальда, который и в эмиграции – это признал за ним

и Мих. Осоргин – остался верен лучшим традициям русской “настоящей” критики, не осталось почти ни одного критика по призванию. Несколько новых имен, появившихся за годы эмиграции, как-то недостаточно себя утвердили» [Бем].

Список литературы

Айхенвальд Ю.И. Иго имущества. М.: Кошница, 1917а. 45 с.

Айхенвальд Ю.И. Свобода слова. М.: Народное право, 1917б. 16 с.

Айхенвальд Ю.И. Наша революция. Ее вожди и ведомые. М.: Революция и культура, 1918. 132 с.

Айхенвальд Ю.И. Петр и Пушкин // Новое русское слово. 1925. 15 мар.

Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1926. 31 мар.

Айхенвальд Ю.И. Петр и Пушкин // Новое русское слово. 1927а. 21 авг.

Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1927б. 2 нояб.

Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Кн. 1. 591 с.

Бем А.Л. О критике и критиках: (статья вторая) // Руль. 1931. 6 мая.

Бойд Брайан. Владимир Набоков: русские годы. СПб: Симпозиум, 2010. 696 с.

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ / сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. 544 с.

Гольденвейзер А.А. Ю.И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Берлин, 1923 [Рец.] // Руль. 1923. 25 нояб.

Зайцев Борис. Москва. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 161 с.

Набоков В.В. Другие берега. [Repr.]. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1978. 268 с.

Набоков-Сурин В. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Руль. 1928. 23 дек.

О. [Троцкий Л.Д.] Диктатура, где твой хлыст? // Правда. 1922. 2 июня.

Урбан Томас. Набоков в Берлине. М.: Аграф, 2004. 240 с.

Шмелев И.С. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Руль. 1928. 23 дек.

Morris Paul D. Vladimir Nabokov. Poetry and the Lyric Voice. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press, 2010, 474 p.

References

Aikhental'd Iu.I. *Igo imushchestva* [Yoke of property]. Moscow, Koshnitsa Publ., 1917a, 45 p. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Svoboda slova* [Freedom of speech]. Moscow, Narodnoe pravo Publ., 1917b, 16 p. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Nasha revoliutsiia. Ee vozhd i vedomye* [Our revolution. Its leaders and followers]. Moscow, Revoliutsiia i kul'tura Publ., 1918, 132 p. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Petr i Pushkin* [Peter and Pushkin]. *Novoe russkoe slovo* [New Russian word], 1925, 15 March. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Literaturnye zametki* [Literary notes]. *Rul'* [Helm], 1926, 31 March. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Petr i Pushkin* [Peter and Pushkin]. *Novoe russkoe slovo* [New Russian word], 1927a, 21 August. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Literaturnye zametki* [Literary notes]. *Rul'* [Helm], 1927b, 2 November. (In Russ.)

Aikhental'd Iu.I. *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers. Vol. 1]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., issue 1, 2017, 591 p. (In Russ.)

Bem A.L. *O kritike i kritikakh (Stat'ia vtoraia)* [About criticism and critics. Article 2]. *Rul'* [Helm], 1931, 6 May. (In Russ.)

Boid Braian. *Vladimir Nabokov: russkie gody* [Vladimir Nabokov: The Russian years]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2010, 696 p. (In Russ.)

Vysylka vmesto rasstrelya: Deportatsiia intelligentsii v dokumentakh VChK–GPU [Expulsion instead of shooting: deportation of the intelligentsia in the documents of the VChK–GPU], comp. by V.G. Makarova, V.S. Khristoforova, 1921–1923. Moscow, Russkii put' Publ., 2005, 544 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.A. *Iu.I. Aikhental'd. Siluety russkikh pisatelei* [Yu.I. Eichenwal'd. Silhouettes of Russian writers]: rev. *Rul'* [Helm], 1923, 25 November. (In Russ.)

Zaitsev Boris. *Moskva* [Moscow]. München, TsOPE Publ., 1960, 161 p. (In Russ.)

Nabokov V.V. *Drugie berega* [Other shores]: repr. Ann Arbor (Mich.), Ardis Publ., 1978, 268 p. (In Russ.)

Nabokov-Sirin V. *Pamiati Iu.I. Aikhental'da* [In memory of Yu.I. Aichenwal'd]. *Rul'* [Helm], 1928, 23 December. (In Russ.)

O. <Trotsky L.D.> *Diktatura, gde tvoi khlyst?* [Dictatorship, where is your whip?]. *Pravda* [Truth], 1922, 2 June. (In Russ.)

Urban Tomas. *Nabokov v Berline* [Nabokov in Berlin]. Moscow, Agraf Publ., 2004, 240 p. (In Russ.)

Shmel'ev I.S. *Pamiati Iu.I. Aikhental'da*. [In memory of Iu.I. Aikhental'd] *Rul'* [Helm], 1928, 23 December (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 06.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.